

СОЛДАТСКИЕ ПУТИ— ДОРОГИ СЫРОВА

В. Ф. СЫРОВ

-К

ем Вам приходился Иван Захарович Сыров, бывший директор Благовской семилетней школы? — в самом конце разговора спросил я своего собеседника Василия Федоровича Сырова, жителя поселка Ржавец. — Он что, просто однофамилец?

— Да нет, — услышал я в ответ. — Иван — мой двоюродный брат. Вот человечиче был! Всю войну прошел, до капитана дослужился. Весь израненный вернулся. Ему бы работу полегче подыскать. А он себе на шею школу взвалил, одновременно являясь и парторгом колхоза. Вот и сгорел мой Ванюшка на работе. Рано он умер... Эх, да что там говорить! Нас, Сыровых, много проживало в районе. А сейчас я один остался...

...Дом Василия Федоровича мы отыскивали в поселке недолго. Но хозяин отсутствовал.

— Он сейчас придет, — увидев наше огорчение, поспешила нас успокоить жена ветерана Ве-

ликой Отечественной войны Анна Федоровна.— Он за яблоками ушел — козу ими потчует. Дожили, что фруктами скот стали кормить...

Действительно, Сыров, скоро вернулся. Шел он быстро, с сумкой через плечо. Шел так, что никто посторонний даже подумать бы не мог, что этому человеку идет уже 88-й год, что он дважды ранен на фронте и тяжело контужен, что за последние годы ему сделано две операции — одна в Новодеревенской ЦРБ, вторая — в областной больнице имени Семашко...

Рассказывая о своих “болячках”, Василий Федорович неожиданно сказал:

— Меня контузило, а командующего фронтом генерала армии Черняховского ранило — одним снарядом. Как я потом узнал в медсанбате, меня так шмякнуло о землю, что левый глаз почти выскочил из глазницы. Его тут же вправили на место, а вот Ивана Даниловича до госпиталя довести не успели: он скончался в машине. А жаль... Полководцем Черняховский, несмотря на молодость, был настоящим — умным, вдумчивым, храбрым и, главное, жалеющим солдата...

— А как же он, генерал армии, оказался на передовой? — невольно вырвалось у меня.

— Да Иван Данилович постоянно находился в окопах! Особенно там, где наше наступление захлебывалось. Он принимал решения, хорошо изучив оперативную обстановку местности, а не по картам. Вот и на тот раз...

3-й Украинский фронт вел ожесточенные бои с фашистами, оборонявшими Восточную Пруссию. Шел в наступление и взвод ПТР 391-го отдельного артиллерийского дивизиона, которым командовал сержант Сыров. В сражениях за город Мельзак (ныне тот находится в составе Польши), шедших не одни сутки, наши части несли ощутимые потери, а вот “выдавить” противника из населенного пункта не могли. Понятно, что такое положение дел отрицательно сказывалось на всей проводимой наступательной операции. Вот почему и приехал Черняховский в самое горячее место схватки.

Приехал не один — его сопровождали четыре машины. Он не стал выслушивать до конца оправдания командира полка и комбата, а просто сказал:

— Стыдно, братцы... Ваш сосед справа уже ведет уличные бои. Говорите, вам сильный туман мешает? Да нет, в нем-то как раз можно незаметно подкрасться к противнику. Вот что, минометы — в боевые порядки пехоты. Артиллеристам — непрерывно вести огонь по вражеской территории: там, уверен, пустого места нет. Так что снарядов не жалеть...

Дать дальнейшие указания командующий фронтом не успел... Фашистская разведка работала прекрасно. Да и в куполе костела, вырывавшегося из тумана вверх, как выяснилось потом, находились корректировщики немецкой артиллерии. И залп по группе машин, произведенный противником, случайным назвать нельзя...

— Я в палатке очнулся, а со всех сторон только и слышно: Черняховский погиб, Черняховский погиб... И когда мне сказали, что нужно отправляться на лечение в госпиталь, я наотрез отказался: “Во-первых, — говорю врачам, — мой взвод без командира остался. А у меня такие ребята... Во-вторых, надо за нашего генерала мстить врагу, а не на койке валяться.”

И Сыров мстил. Мстил умело и беспощадно. Командир взвода, зная, что местное население, напуганное фашистской пропагандой, оставило “насиженные” места, приказал своим бойцам стрелять из ПТР по домам и сараям. От зажигательных снарядов те вспыхивали, как спички. А из клубов пламени и дыма, как правило, выползали гитлеровские танки и самоходки, становясь легкодоступной целью для наших артиллеристов.

“Вскрывая” вражеские засады, взвод сержанта Сырова наносил фашистам невосполнимый урон. В результате, сотни, а может быть, тысячи жизней советских солдат были ими спасены.

— Не было ни одного крупного города в Восточной Пруссии, который бы мне не приходилось штурмовать. И при взятии Кенигсберга мне пришлось изрядно попотеть. Как и всем другим, — вздохнул Василий Федорович.

— Так Вы что, сразу на 3-й Украинский попали? — поинтересовался я.

— Какой там! — рассмеялся ветеран. — До этого фронта еще дойти нужно было. По солдатским дорогам...

Иван Федорович, оказывается, участвовал и в войне с Финляндией, где получил первое свое ранение. На войну с гитлеровцами его призвали летом 1941 года. Когда точно, он не помнит. Знает одно: рожь успели убрать. Ему и Александру Конкину поручили гнать лошадей в райцентр. Там военком района Евсиков неожиданно скомуандовал “коноводам”:

— Становись! Равняйся! Смирно! Отныне и до победы вы — красноармейцы. Забирайте коней и на вокзал. Там теплушки уже ждут вас...

Так Сыров оказался во Владимире. В кавалерийском полку. Но вскоре, уже в Москве, на Красной Пресне, при формировании 108-го стрелкового полка, его направили служить в приданный этой части отдельный арtdивизион командиром взвода ПТР.

Первый бой с фашистами Василий Федорович принял в Можайском укрепрайоне.

– Немцы над нами гоготали, откровенно издеваясь. Чуть что – они орут на нас: “Урки!” А мы не могли заткнуть им глотки. Ведь артиллерии у нас – раз, два и обчелся. Боезапас – слабенький. Танки и самолеты наши мы лишь видели. Да и то иногда, – вспоминает ветеран.

Но Красная Армия все-таки двинулась на Запад. Двинулась, обильно поливая своей кровью дороги. Шел по ним и сержант Сыров. По его словам, по трупам наших бойцов. И на привалах солдаты без всякой команды предавали тела погибших земле. Казалось бы, потери должны были вселить в сердца и души красноармейцев неуверенность, страх. Но все получилось наоборот. В кровопролитных боях под Ельней сам командир взвода ПТР и его подчиненные не только метко стреляли из ружей, но и вместе с пехотой частенько ходили в штыковую, в рукопашных схватках мужеством своим доказывая, что в боях за Родину русскому человеку и сам черт не страшен.

Освободив Ельню, без всякой передышки (пополнение получали на марше) 108-й полк и приданный ему артдивизион тяжело, но упрямо очищали захваченную врагом часть страны от фашистской нечисти. При освобождении деревни Протасово у сержанта Сырова возник конфликт с командиром дивизиона:

– Неаккуратный тот был человек. Ни хрена не разбирался в сложившейся обстановке. А коль так, от приказов его в бою люди гибли напрасно, – вот как оценил офицера Василий Федорович. – Он нашему взводу дал команду идти вперед. По голому полю. А фрицы, засевшие в лесу, только этого и ждали. Только мы приблизились к ним на бросок гранаты, те и начали буквально косить нас из пулеметов и автоматов. После атаки из 21 бойца моего взвода 9 человек уцелело. Отползали мы в торфяной ров, проклиная дурака, пославшего солдат на верную и бессмысленную смерть.

Командир дивизиона вскоре прибыл к остаткам взвода. Он оценил позицию и спокойно произнес:

– Хорошее место. Тут можно отсиживаться хоть до второго пришествия Христа. Здесь и ждите прихода подкрепления.

– Что Вы говорите, товарищ капитан! – возмутился Сыров. – Тут же воды по пояс, почему Вы людей не жалеете?

– Разговорчики, сержант! – крикнул на него офицер. – Или под трибунал захотел?!

Стиснув зубы, Василий Федорович замолчал. Кому же хочется оказаться на скамье подсудимых? А невыполнение приказа в бою вело именно на нее... Но когда командир дивизиона ушел, он все-таки отвел остатки взвода на сухое место. Другими словами, совершил поступок, диктуемый заботой о подчиненных, но оцениваемый во фронтовой обстановке как своеволие. А при желании – и как трусость. Все зависело от того, кто именно разбирался в случившемся...

Выставив часового, Сыров “сыграл” подчиненным “отбой”, уже стемнело. Уснул и он сам. Среди ночи его разбудили:

– Товарищ сержант, немцы идут. Их видимо-невидимо...

Командир взвода в одиночку пошел в разведку. Оказалось, что часового перепугал... наш батальон штрафников, т.е. из людей, с которых при ранении снимались судимости. То есть в бой шли бойцы, которым и сама смерть была не страшна.. Деревню Протасово остатки взвода Сырова освобождали вместе с ними...

– А вот Минск, точнее, руины его, мы очищали от гадов весело, – улыбнулся ветеран. – Так стремительно влетели в город, что фрицы и опомниться не успели. Мой взвод и стрелковая рота оказались в парке, в котором фашисты... прогуливались! Отдыхали! Ну мы им отдых малость попортили: как услышат “хенде хох!”, так сразу чуть ли не в обморок падают. Страсть сколько мы в плен их взяли...

Фронтовые дороги привели Сырова в Литву, в ее западные районы. Геббельс и его подручные поработали на совесть: леса оказались переполненными людьми, слепо поверившими, что красноармейцы насилуют женщин, а детей живьем закапывают в землю. Что может быть абсурднее – видеть в освободителе врага? И командиры, и бойцы успокаивали литовцев, говоря им: идите домой, никто вас не тронет. Нам, мол, некогда с вами лясы точить, нам нужно торопиться к Шушере – пограничной реке. За ней уже начиналась Германия, Восточная Пруссия.

– Вы до Берлина дошли? – поинтересовался я.

– Нет, до мобилизации в 1946 году мне пришлось заниматься комендантской службой, – ответил Сыров. – В основном собирали и отправляли домой добро, вывезенное фашистами из Союза...

Грудь ветерана украшают три боевые награды – медаль “За отвагу”, ордена Великой Отечественной войны II степени и Славы III степени, три благодарности от Верховного Главнокомандующего. За что он их получил, догадаться нетрудно.

– Он их бережет, как зеницу ока, – вступила в разговор Анна Федоровна. – А себя – нет... Не может он без работы. Вот и грыжу нажил. Доктор Боков, вырезав ее, наказал: не утруждай себя, не вздумай. Ты, дескать, свое отработал. Он же...

Свою жену Сыров называет фронтовичкой: та с 1941 по 1946 годы вкалывала на трудовом фронте. В каких только местах она не побывала. И повсюду – тяжелейшая, явно не женская работа.

– Так и сломалась она: и грыжа, и искривление позвоночника, и руки-ноги спать не дают. Врачи оперировать ее отказываются: старовата уже, – грустно заметил Василий Федорович. И вдруг оживился: – А поженились мы знаешь как? Я-то уже по чистой пришел домой, а она в отпуске находилась в Ухоловском районе. Как-то заявила с подружками к нам на вечерку. Ну и приглянулась мне. Я на фронте решительности научился. Подружили мы немного, и предложил я ей руку и сердце. Она согласилась. Да родные ее всполошились: если она не явится после отпуска на работу, ее под суд отдадут! Но мы все равно поженились. И, слава Богу, до суда дело не дошло.

Пятьдесят восемь лет душа в душу живут Сыровы. У них четверо детей: три дочери и сын. Радуют стариков и шестеро внуков. Одно плохо: живут их кровинки в городах, далеко от отчего дома. Потому и не очень часто приезжают они.

– Вот дорогу по Ржавцу от Просечья прокладывают. Теперь, по асфальту, дети и внуки наверняка станут к нам почаще заглядывать, – предположил Сыров.

Вот и еще одна дорога появилась в жизни бывшего командира взвода, дорога, с которой он связывает определенные надежды. С ее появлением жизнь в Ржавце, несомненно, повеселеет оттого, что родственники станут навещаться при любых погодных условиях, что автолавка райпо, доставляющая хлеб в поселок, не будет испытывать неудобств, связанных с бездорожьем. Глядишь, и медроботники станут приезжать сюда. Они ох как требуются иногда старикам...

Октябрь, 2004